

Приступая к работе над новой книгой, спустя тридцать лет после съемок, мне было интересно заново пересматривать архив, в надежде обнаружить "новые" карточки, ситуации и персонажей.

Но также можно констатировать, что открытий нет - все самое ценное увидено ещё в процессе проявки пленки в бачке с фиксажем...

В самой фотокниге мне интересно представить диапазон высказываний, возможный в закрытом обществе середины 80-х, в отсутствие интернета, фотокниг, выставок, лекций, знакомств, связей и школы.

ИМ

Sitting down to work on a new book thirty years after the images had been made, I was curious to look through the archive again.

I hoped to find "new" pictures, situations and characters.

I must admit, no new discoveries turned up - all of the best stuff had been spotted back then as I was bringing out the film strips in a bowl of fixer...

In the photo book itself I wanted to showcase a range of statements and sentiments possible in the closed society of the 1980's - without the Internet, exhibitions, photo books, lectures, friendships, contacts and schooling.

IM

Фотографии 1985 - 1991 / Photographs 1985 - 1991

Игорь Мухин

Я видел рок'н'ролл

Igor Mukhin

I've seen rock' n'roll

Екатерина Зуева

«Школа как котёл»

Для советского рок-н-ролла уже настало время музеификации. Прошли тридцать с лишним лет, которые дают возможность отдалиться от событий и страстей, чтобы начать препарировать и навешивать каталожные ярлыки. Так же и с фотографией. Работы Игоря Мухина - в первую очередь те, которые собраны в книге «Я видел рок-н-ролл» - уже не только живой срез современности, не только оголенный нерв пульсирующей молодости, но и часть фотографической истории. Игорь Мухин сегодня - автор с мировым именем. Прежде - участник объединения «Непосредственная фотография», последователь негласных московских школ Александра Лапина и Александра Слюсарева. Еще раньше - работник Проектного института, любитель фотографии (Екатерина Деготь во вступительной статье к книге Мухина «Рожденные в СССР» напишет, что он был из тех авторов, которые пришли в фотоискусство по «доброй воле» и «по любви», а не как отстраненные наблюдатели-профессионалы, «получающие деньги за свою отстраненность»). Будучи внутри активной московской фотографической тусовки, Мухин вдохновлялся тусовкой рок-н-рольной. Именно это интенсивное нахождение «под влиянием» вылилось в его первые сильные фотографические работы. С ними Мухин стал участвовать в выставках, появились публикации в рок-самиздате, иногда и в официальной прессе.

«Браво, Муха!» [1] - эти восклицания остались в книге отзывов после персональной выставки Игоря Мухина в Свердловске во время рок-фестиваля «Металлопластика». Впрочем, было и бурное неприятие - свидетельство того, что мухинский фотопортрет молодежи 80-х никого не оставляет равнодушным... И если музыкальные влияния сегодня разобраны по полочкам и обзорам магнитоальбомов, имеют свою мифологию и топологию (Ленинград, Москва, Свердловск и т. д.), то с влияниями фотографическими все не так однозначно. Можно ли говорить о московской школе фотографии, имея в виду конец 1970-х - 1990-е годы, время активизации независимых творческих объединений в фотографии, групп, отделившихся или сложившихся автономно от фотоклубного любительского движения с его четко выстроенной вертикальной системой контроля? Каковы особые признаки этой школы, на основании которых можно выделить ее как явление (явление, важное в первую очередь для понимания творчества Мухина)? Первым сформулировал понятие школы как таковой по отношению к современной нам фотографии критик Анри Вартанов: в 60-х появилась литовская школа фотографии. Тогда это был десяток молодых авторов, еще не обретших славу классиков и самых западных фотографов в СССР; каждый из них снимал что-то свое и по-своему. Да, был общий высокий градус формального эксперимента - активно использовался ракурс, линзы с широким углом, кто-то занимался коллажем, но кто-то, просто взяв в руки среднеформатную камеру, мог забраться человеку в душу так глубоко, что с портрета на нас смотрел не кто-то чужой, а будто мы сами. Однако назвать литовцев «школьой» было все-таки можно: их объединяли не только независимость и экспериментаторство, но и важный для того времени (в том числе и как след выставки Стейхена «Род

человеческий», которую привозили в Советы) гуманизм и искренний интерес к простому человеку, к тому, что происходит здесь и сейчас, на его земле. «Школы» начали выкристаллизовываться и дальше - в основном в критических и обзорных текстах. Для фотографов это были группы, объединения, манифести. Знаменитая «теория удара» была сформулирована харьковской группой «Время», основанной в 1972 году Юрием Рупиным и Евгением Павловым. В нее входили самые прогрессивные на тот момент, но очень разные фотографы: знаменитый Борис (Боб) Михайлов, Олег Малеваный, Александр Супрун и другие. Авторы новых генераций (1990-е), такие как Роман Пятковка или Сергей Солонский, следовали установкам группы «Время». Яркий удар, наносимый их фотографией, разрушал стереотипы, проявлял парадоксы советской действительности, расширял границы дозволенного. Параллельно харьковской в 70-х годах в Казани формировалась своя, совершенно иная сильная школа — группа «Тасма». Казанцы (Фарит Губаев, Ляля Кузнецова, Рифхат Якупов и другие) разрабатывали каждый свои собственные «долгие» темы: цыгане, цирк, национальные праздники, деревни и проч. и проч., - работая в поле художественной документалистики, в узкопленочной брессоновской манере. Петербургская школа (на тот момент хоть и «ленинградская», но в ней было намного больше от Серебряного века) и такие ее представители, как Борис Смелов, Борис Кудряков, Александр Китаев, Андрей Чежин, уделяли особое внимание ручным техникам печати, возвращаясь к теме города. Новокузнецкие фотографы — социальные документалисты из группы «Трива» и «Прикладник» Николай Бахарев, непримиримые антагонисты в плане методов работы и интерпретации окружающей действительности — сегодня, после серии исследовательских выставочных проектов, составляют основу

I've seen rock'n'roll

новокузнецкой школы фотографии. А первые фотографические биеннале («аналитические выставки фотографии») вообще появились в 80-х в Иошкар-Оле, благодаря активной деятельности творческой группы «Факт» (С.Чиликов, Ю.Евлампьев, В.Воецкий и др.). Строго говоря, московская фотографическая школа складывается из более сложных составляющих, нежели общность подходов, стилей или тем в группе фотографов. Здесь стоит расширить понятие «школы» до дискурса, до поля столкновения влияний и мнений, до бурлящего котла, где все разные, но сильно влияют друг на друга.

Даже если обратиться непосредственно к этимологии слова «школа», мы находим подтверждение такой трактовки. Первоначально греческое σχολή означало «досуг, свободное времяпрепровождение»; затем стало употребляться в значении «занятия на досуге» (например, Платоном: он собирал людей в свободное время и передавал им свой опыт и знания); затем слово приобрело значение «учебные занятия», «беседа философов». В процессе спора двух главных московских «философов» от фотографии, Александра (Сан Саныча) Слюсарева и Александра Лапина, где-то между двух наэлектризованных кухонь (в Филях и на Тверской), мы находим Игоря Мухина. Его работы перестроенного времени можно с некоторой смелостью назвать квинтэссенцией московской школы; это работы автора, испытавшего на себе одинаково сильное влияние обоих мастеров. Игорь Мухин перенимает отстраненность «метафизического» (позже этот неоднозначный термин закрепится) подхода Слюсарева (а также Б. Савельева, В. Тарновецкого) и интерес к жанровой, бressonовской фотографии Лапина. Как вспоминает Мухин, его путь стрит-фотографа начался после газетных публикаций Эдуарда Гладкова и выставки Лапина на

Малой Грузинской в 1985 году. Кстати, первую выставку двумя годами позже Мухин организует в своей студии (ДК МГУ на Моховой) именно Александр Лапин - персоналку с показом более сотни работ из серии о рок-музыкантах и молодых людях.

«Мухин снимал хиппи и панков; они приходили смотреть на себя, садились на пол и не очень стеснялись в выражениях. Начались разборки, и мне пришлось уйти», - вспоминал Александр Иосифович об этой выставке и об обстоятельствах, вынудивших его покинуть студию ДК МГУ.

В студии Александра Лапина происходит встреча Мухина с Алексеем Шульгиным (в то время увлекавшимся уличной фотографией). На выставке в галерее на Малой Грузинской Мухин и Шульгин знакомятся с Владиславом Ефимовым и Ильей Пигановым; чуть позже к группе фотографов присоединяется Сергей Леонтьев. Как напишет про них Лапин в обзоре студийных выставок, «новые способные ребята». В конце 1980-х Алексей Шульгин организует группу «Непосредственная фотография», в которую, помимо «ребят», входят А. Слюсарев и Б. Михайлов. Что именно обозначал эпитет «непосредственная», сказать сложно и сегодня, однако степень инаковости фотографических практик участников этого объединения он передает вполне.

К концу 1980-х фотография делает заметный поворот в сторону концептуализма (влияние Кабакова и его мастерской на Сретенском бульваре, московского места силы). Не обходит стороной фотографию и еще одно важное место Москвы 1987 - 1988 годов - зал «Беляево», где формируется творческое объединение «Эрмитаж» под руководством Леонида Бажанова, проходят выставки новейшего искусства, в том числе и фотовыставки участников группы «Непосредственная фотография». В беседе с Георгием Кизевальтером,

автором сборника «Переломные восьмидесятие», Леонид Бажанов вспоминает эти времена так: «Появилась возможность создавать любительские общественные объединения, первые кооперативы, и в самом конце 1986 года я с друзьями создал любительское объединение «Эрмитаж». А в 87-м мы получили выставочный зал на Профсоюзной, у метро «Беляево», недалеко от того места, где когда-то была «Бульдозерная выставка». Там мы функционировали очень активно: устраивали и концерты, и перформансы, проводили выставки, мастер-классы, причем диапазон персонажей был очень широким — от маститых философов до молодых начинающих художников, фотографов, музыкантов...» [2] Мухин сближается с Владимиром Куприяновым - очередной важной фигурой в московской школе, ее концептуалистском крыле (в 2000-х они оба станут главными мастерами в новой Школе фотографии и мультимедиа им. А. Родченко). Тогда создаются его серии «Скамейки», «Монументы», «Фрагменты» и др.

Не стоит забывать, что параллельно в котле московской фотографической тусовки варятся не менее значимые и тогда, и в будущем фотографы: Владимир Семин, Валерий Щеколдин, Борис Савельев, Николай Кулебякин, Георгий Пинхасов... Галерея «Школа» Ирины Пигановой-Меглинской собирает вокруг себя - или, наоборот, вырастает из молодого поколения - независимых фотографов, становится еще одной наэлектризованной кухней, куда съезжаются авторы и кураторы. В квартире Лапина можно было встретить Лялю Кузнецова и других казанцев, гостей из Праги, Парижа; ближе к концу 80-х приезжали зарубежные кураторы и исследователи; в Финляндии, Швейцарии, Франции, США начали выходить одна за одной книги о «другой» советской фотографии. Зачастую то на одной, то на другой такой кухне

Игорь Мухин

появлялся и Боб Михайлов, который привозил в Москву мешки со своими фотографиями, приводившими всех в восторг и шоковое состояние («удар» срабатывал).

Где-то между рок-н-рольным «Браво, Муха!» и концептуальными сериями периода «Непосредственной фотографии» на пересечении музыкальной и фотографической тусовок появляются кадры, которые вошли

в эту книгу. В этот же момент московская школа фотографии бурлит, закипает и льет через край. Сняв сливки, мы обнаружим портрет Олега Гаркуши, сделанный Игорем Мухиным на улице Ольминского в 1986 году. О нем Слюсарев напишет в 1996 году в уже почти закрывшемся журнале «Фотография» («Советское фото»): «Работа неординарная, но тогда еще нельзя было предположить,

что она станет символом нашей новейшей фотографии».

1. Публикация в журнале «Уральский следопыт», 1988, №11.

2. Цит. по: Георгий Кизевальтер, Переломные восьмидесятые в неофициальном искусстве СССР. М., 2014.

Ekaterina Zueva

«The School as a Melting Pot»

Soviet rock-n-roll is an artifact old enough for classification. Thirty-something years have passed since its heyday – a sufficient distance to cool passions and put events in labeled display boxes. It is the same with photography. Igor Mukhin's work, especially in “I have seen rock-n-roll,” is now not only a section of that pulsating youth but a part of the history of photography. Today Igor Mukhin is a world-famous author. He participated in the Immediate Photography group and followed the methods of the «schools» of A. Lapin and S. Slyusarev in Moscow. Before that he had worked in a research institute, a picture-taker in his spare time. (E. Dyogot in her introduction to Mukhin's «Born in the USSR» describes him as one of those authors who came to photography “willingly” and “out of love” but not as detached professional observers who “get paid for their detachment.”) Inside the Moscow photographic scene Mukhin was inspired by the rock-n-roll crowd. This intense influence resulted in his first strong work, which Mukhin displayed at exhibitions, followed by coverage in self-published rock magazines and sometimes in official press.

“Way to go, Mukha!” cheered the guestbook after Igor Mukhin's personal exhibition in Sverdlovsk during the “Metaloplastika” festival. But there was strong opposition as well – proof positive that Mukhin's portrait of the 1980's young evokes a universal reaction...⁽¹⁾ Mukhin's musical influences are

well-known today, ranked by album and grouped by mythology and place (Leningrad, Moscow, Sverdlovsk etc.). But his origins as a photographer are less clear. Was there really such a thing as “the Moscow school of photography” in the late 1970s- 1990's, a time when independent photo groups split off or sprang into existence independently of the amateur photo club movement with its clear hierarchy of control? If that school existed, what can we posit as its defining features? Untangling this history is an important step to understanding Mukhin. As far as contemporary photography is concerned, the first man to establish a school in the USSR was a critic called Andrey Vartanov. He founded the “Lithuanian school of photography” in the 1960's. The school consisted of ten or so young authors, destined to become famous and the most “Western-like” photographers in the Soviet Union. Each one had his own favorite subjects and techniques, but they shared an interest in experiments with form, often played with angles or wide-angle lens. Some liked collages. Others could take a regular camera and make a portrait so uncannily penetrating, it seemed a mirror of the soul. Despite these differences, the Lithuanians deserve the title of a school for their self-reliance, experimental approach and a choice of subject matter expressive of humanism and a sincere interest in the common man and contemporary living. This was an important accent at the time, partly in consequence of Steichen's “The Family

I've seen rock' n'roll

Игорь Мухин / Igor Mukhin
«Я видел рок-н-ролл» / «I've seen rock'n'roll»
Фотографии 1985 - 1991 / Photographs 1985 - 1991

дизайн: Юрий Кузнецов / Yury Kuznetsov

Книга издана на средства, собранные на краудфандинговой платформе Планета.ру
Спасибо Юрию Кузнецову, Екатерине Зуевой, Феликсу Сандалову, Андрею Качаляну, Леониду Гусеву, Марии Мухиной, Катерине Садовски, коллективу РОСФОТО.

The book is published on the funds raised on the crowdfunding planeta.ru platform
Thanks to Yury Kuznetsov, Ekaterina Zueva, Felix Sandalov, Andrey Kachelyan, Leonid Gusev, Maria Mukhina, Katherina Sadovsky, collective of ROSPHOTO.

тираж 600

Цветоделение и печать «Галерея Печати». Санкт-Петербург, 2016

Издательство Treemedia
www.treemedia.ru
сайт автора igormukhin.com

Обложка: Москва, проект «Мамонов и Алексей» 1990 г.
Cover: Moscow, project «Mamonov and Alexey» 1990.

ISBN 978-5-903788-42-2

© Игорь Мухин, фотографии / Igor Mukhin, photographs
© Екатерина Зуева, текст / Ekaterina Zueva, text
© Феликс Сандалов, текст / Felix Sandalov, text
© Тарас Ткаченко перевод / Taras Tkachenko translation

Все права защищены
All rights reserved

Где-то между рок-н-рольным «Браво, Муха!» и концептуальными сериями периода «Непосредственной фотографии» на пересечении музыкальной и фотографической тусовок появляются кадры, которые вошли в эту книгу. В этот же момент московская школа фотографии бурлит, закипает и льет через край.

Сняв сливки, мы обнаружим портрет Олега Гаркуши, сделанный Игорем Мухиным на улице Ольминского в 1986 году. О нем Слюсарев напишет в 1996 году в уже почти закрывшемся журнале «Фотография» («Советское фото»): «Работа неординарная, но тогда еще нельзя было предположить, что она станет символом нашей новейшей фотографии».

Екатерина Зуева

В этой книге в избытке представлено то настоящее, что не выкинешь ни из собственной памяти, ни из генетического кода русской музыки сегодня: мечтательный взгляд Цоя, стоящего у выхода на Кантиме, самозабвенный панк-разгул «Тупых», пластические чудачества Мамонова, гротескные шоу «Коррозии металла» — и ловкий ход выстроить из безоговорочно классических снимков новый увлекательный фотороман о потерянном рае.

Феликс Сандалов

